

Козлов Петр Кузьмич

**Николай Михайлович
Пржевальский, первый
исследователь природы
Центральной Азии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Кузьмич К.**
Николай Михайлович Пржевальский, первый исследователь природы Центральной Азии
/ Козлов Петр Кузьмич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 164 с.

ISBN 978-5-519-89700-6

ISBN 978-5-519-89700-6

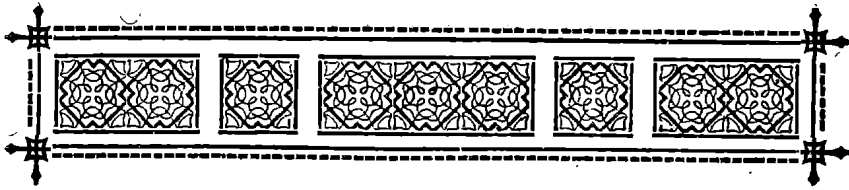
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ранніе годы и первыя двѣ экспедиціи въ Азію.

Непремѣнный секретарь Императорской Академіи Наукъ К. С. Веселовскій, въ засѣданіи Академіи 29 декабря 1886 года, въ торжественной рѣчи, между прочимъ, сказалъ: ...„Есть счастливыя имена, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общеизвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго... Имя Пржевальскаго будетъ отнынѣ синонимомъ безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и беззавѣтной преданности наукѣ“...

„Гордиться заслугами предковъ пріятно и составляетъ нравственную обязанность потомковъ, пишетъ другой непремѣнный секретарь Академіи Наукъ, Н. О. Дубровинъ ¹⁾, но переносить ихъ заслуги на себя, прикрываться ихъ блескомъ — едва-ли справедливо. Когда однажды, въ присутствіи Наполеона, многіе маршалы стали хвастаться своею родовитостію, Ней сказалъ: „у меня нѣтъ знаменитыхъ предковъ, но я самъ буду хорошимъ предкомъ“. То же самое могъ сказать и Николай Михайловичъ, личные заслуги котораго были поводомъ къ разъясненію происхожденія рода Пржевальскихъ“.

Пржевальскіе ведутъ свой родъ отъ запорожскаго казака Карнилы Анисимовича Паровальскаго, поступившаго въ польскую службу и принявшаго впослѣдствіи фамилію Пржевальскаго. Въ красномъ полѣ дворянскаго герба, пожалованнаго Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 году ротмистру казачьихъ войскъ Карнилѣ Пржевальскому,

¹⁾ Н. М. Пржевальскій. Біографическій очеркъ. С.-Петербургъ. 1890.

изображенъ натянутый лукъ съ направленною вверхъ стрѣлою, а въ шлемѣ три страусовыхъ пера.

Дѣдъ ¹⁾ Николая Михайловича воспитывался въ іезуитской школѣ въ Полоцкѣ, но до окончанія курса бѣжалъ изъ училища и перешелъ въ православіе, принявъ имя Кузьмы Ѳомича. Единственный сынъ этого послѣдняго, Михаилъ Кузьмичъ, женившійся на дочери помѣщика Смоленской губерніи, Еленѣ Алексѣевнѣ Каретниковой— есть отецъ Николая Михайловича. Михаилъ Кузьмичъ, будучи слабаго здоровья, оставилъ военную службу въ чинѣ поручика и вскорѣ послѣ женитьбы основался на житіе въ той же Смоленской губерніи и уѣздѣ, въ имѣніи „Отрадномъ“, рядомъ съ родовымъ гнѣздомъ своей жены. Въ Отрадномъ Николай Михайловичъ провелъ годы самой ранней молодости.

Михаилъ Кузьмичъ скончался на 42 году жизни, когда его старшему сыну Николаю—впослѣдствіи знаменитому путешественнику, было всего семь лѣтъ. Оставшись вдовою въ молодые годы, Елена Алексѣевна принялась сама за воспитаніе дѣтей и хозяйство. У Николая Михайловича было двое братьевъ, Владиміръ и Евгенийъ ²⁾. Дѣти пользовались большою, разумною свободою. „Росъ я въ деревнѣ дикаремъ, говоритъ Николай Михайловичъ; воспитаніе было самое спартанское; я могъ выходить изъ дому во всякую погоду“.

Съ раннихъ лѣтъ дѣтей стали учить грамотѣ: Николаю Михайловичу было четыре—пять лѣтъ, когда, 1-го декабря, „въ память св. пророка Наума, чтобы наука шла на умъ“, посадили его за первый урокъ. Братъ Владиміръ прислушивался къ урокамъ Николая и четырехъ лѣтъ уже выучился читать; тогда рѣшили учить ихъ вмѣстѣ, и оба брата не разлучались до окончанія гимназическаго курса.

Блестящія способности и феноменальная память скоро сдѣлали Николая Михайловича однимъ изъ первыхъ учениковъ Смоленской гимназіи. Съ наступленіемъ каникулъ и съ возвращеніемъ въ Отрадное, оба брата помѣщались съ дядею Павломъ Алексѣевичемъ,—ихъ первымъ воспитателемъ и другомъ—въ отдѣльномъ флигелѣ.

¹⁾ Пра-пра-пра-прадѣдъ, Григорій Корниловичъ, пра-пра-прадѣдъ, Лаврентій Григорьевичъ, пра-прадѣдъ, Мартынъ Лаврентьевичъ и прадѣдъ, Ѳома Мартыновичъ, ничѣмъ особеннымъ себя не заявили, и кто изъ нихъ и когда принялъ католичество—неизвѣстно.

²⁾ В. М. Пржевальскій впослѣдствіи талантливый юристъ и выдающійся присяжный повѣренный; умеръ въ 1900-мъ году. Нынѣ адравствующій, генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, Е. М. Пржевальскій около сорока лѣтъ состоялъ преподавателемъ математики и механики въ Александровскомъ военномъ училищѣ, въ Москвѣ.

Сюда приходили они только ночевать, проводя весь день или на рыбной ловлѣ, или на охотѣ. Двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ Николай Михайловичъ убилъ первую лисицу и, полный восторга, принесъ ее матери. Имѣя же всего шестнадцать лѣтъ, онъ уже окончилъ курсъ въ гимназiи и, какъ человѣкъ впечатлительный и энергичный, подъ впечатлѣніемъ геройскихъ подвиговъ защитниковъ Севастополя, рвался на войну.

Однако, какъ ни стремился Николай Михайловичъ поступить въ военную службу, какъ ни казалась она ему привлекательною, но когда приходилось отрываться отъ родного уголка, отъ того, что съ раннихъ лѣтъ было свято, дорого и мило, тогда онъ невольно почувствовалъ тоску и неизвѣстное будущее стало его беспокоить.

„Наконецъ, говоритъ Николай Михайловичъ, наступила роковая минута. Меня позвали къ матери; я вошелъ въ залъ. У большого образа теплилась лампада, а на колѣняхъ предъ нимъ, съ горячими слезами, молилась мать моя. Въ углу стояла няня, нѣсколько дворовыхъ, и всѣ плакали. „Станьте здѣсь и молитесь“, обратилась ко мнѣ и брату мать. Мы молча исполнили ея приказаніе. Глубокая тишина водворилась въ комнатѣ, изрѣдка прерываемая тяжкими вздохами. Наконецъ, мать встала и взяла образъ; я подошелъ къ ней.—„Да сохранить тебя Господь Богъ во всей твоей жизни“, сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемыя слезы разомъ брызнули изъ глазъ, и я зарыдалъ какъ ребенокъ“...

Служба въ полку велась очень плохо, никто и ничего не дѣлалъ. На юнкеровъ не обращали вниманія, но съ солдатами обращались жестоко. Офицеры вели жизнь разгульную и проводили время среди картъ и пьянства. Поступившему въ полкъ новичку трудно было не поддаться общему теченію, но если ему это удавалось, то онъ заслуживалъ общее уваженіе среди товарищей-пьяницъ. Такъ Николай Михайловичъ рассказываетъ объ одномъ изъ своихъ ротныхъ командировъ, который заставлялъ его пить, но получивъ отказъ говорилъ:

— Изъ тебя, братъ, прокъ будетъ.

— Онъ не нашъ, говорили другіе офицеры—а только среди насъ.

„Прослуживъ пять лѣтъ въ арміи, пишетъ Пржевальскій, потаскавшись въ караулъ и по всевозможнымъ гауптвахтамъ и на стрѣльбу со взводомъ, я, наконецъ, ясно созналъ необходимость измѣнить подобный образъ жизни и избрать болѣе обширное поприще дѣятельности, гдѣ бы можно было тратить трудъ и время для разумной цѣли. Однако, эти пять лѣтъ не пропали для меня даромъ.

Не говоря уже о томъ, что они измѣнили мой возрастъ съ 17 на 22 года, и что въ продолженіе этого періода въ моихъ понятіяхъ и взглядѣ на жизнь произошла огромная перемѣна,—я хорошо позналъ и изучилъ то общество, въ которомъ находился“.

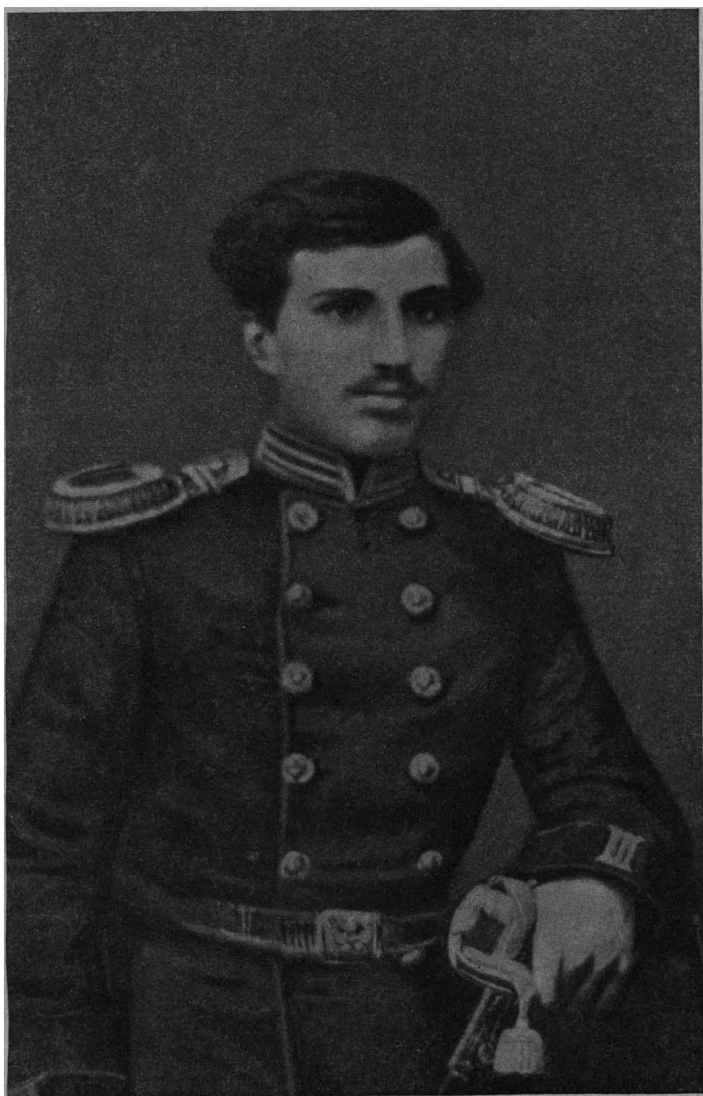
Тогда же онъ рѣшилъ избрать другой путь, болѣе правильный, и поступить въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Усиленно готовясь къ экзамену, но въ то же время не желая лишиться себя самого высокаго удовольствія, Николай Михайловичъ отправлялся на охоту, проводя все свободное время въ окрестности Кременца.

„Великолѣпная панорама, говоритъ Пржевальскій, представлялась съ вершины этихъ горъ, когда весною, во время разлива, всѣ низменности около рѣки были покрыты водою.. Когда я отправился на горы полюбоваться оттуда на весенній разливъ, и когда предомною, какъ широкое зеркало, открылась затопленная версты на двѣ въ ширину долина, теряющаяся въ безконечной дали, тогда невольный трепетъ пробѣжалъ по моимъ нервамъ, и это былъ трепетъ безотчетнаго восторга. Великолѣпныя картины еще болѣе дополняло заходившее солнце, блѣдныя лучи котораго отражались на свѣтлой поверхности водъ“.

Въ маѣ 1863 года, съ началомъ польскаго возстанія, всѣмъ офицерамъ старшаго курса въ академіи было предложено, что если кто изъ нихъ желаетъ, не ѣздивши на съемку, отправиться въ Польшу, тотъ будетъ выпущенъ на льготныхъ основаніяхъ, съ правами второго разряда. Въ числѣ первыхъ желающихъ былъ и Пржевальскій, рѣшившійся возвратиться въ свой полкъ. Въ іюлѣ 1863 года онъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ полковымъ адъютантомъ.

Пользуясь своимъ вліяніемъ на офицеровъ, Николай Михайловичъ однажды спасъ одного изъ полковыхъ товарищей отъ суда, за опрометчивую растрату послѣднимъ казенныхъ денегъ.

„Милостивые государи! писалъ Н. М. Пржевальскій; товарищъ нашъ поручикъ К., при сдачѣ должности полкового квартирмистра, оказался виновнымъ въ растратѣ... и долженъ поплатиться своею службою. Но дѣло это еще не безвозвратно, еще отъ насъ зависитъ спасти или погубить его... Неужели мы будемъ хладнокровно смотрѣть, когда товарищъ нашъ надѣнетъ солдатскую шинель и съ горькими упреками и проклятіемъ будетъ вспоминать ту минуту, когда мы сдѣлали его квартирмистромъ? Нѣтъ, мы не допустимъ этого, мы покажемъ, что общество нашего полка руководствуется иными, болѣе широкими принципами. Мы выручимъ К. Тогда каждый изъ насъ, съ полнымъ сознаніемъ величія и благородства своего поступка, можетъ съ гордостью сказать: „я спасъ своего товарища; я сдѣлалъ святое, честное дѣло“.

Прапорщикъ
Николай Михайловичъ
Пржевальскій.

Это письмо-воззваніе спасло офицера, спасло его семью и честь полка.

Свои періодическіе отпуска Н. М. Пржевальскій неизмѣнно проводилъ въ Отрадномъ, среди любимой имъ охоты и серьезнаго изученія зоологіи и ботаники. Чѣмъ болѣе онъ углублялся въ эти занятія, тѣмъ сильнѣе имъ овладѣвала мысль о путешествіи сначала въ Африку, но затѣмъ, по зрѣломъ обсужденіи, въ Азію, командировка въ которую казалась возможной при его служебномъ положеніи. Жажда знаній могла быть удовлетворена только въ какомъ-нибудь научномъ центрѣ, и Николай Михайловичъ рѣшился съѣздить въ Варшаву, чтобы хлопотать о поступленіи въ только что открытое тогда юнкерское училище. Желаніе его исполнилось: въ Варшавѣ онъ встрѣтился съ товарищами по академіи, которые ему помогли, въ декабрѣ 1864 года, быть назначеннымъ взводнымъ офицеромъ въ училище и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ исторіи и географіи.

Пржевальскій былъ прекрасный лекторъ: говорилъ громко, ясно и увлекалъ юнкеровъ цитированіемъ на память обширныхъ выдержекъ изъ самыхъ блестящихъ представителей науки. Система поблажки любимчиковъ у него совершенно отсутствовала. На всѣ докучливыя моленія о прибавкѣ балловъ онъ отвѣчалъ юнкерамъ: „не буду ли я вамъ, юноши, смѣшенъ и жалокъ послѣ такой уступки?... Вспомните прекрасныя слова: „я знаю одинъ народъ—человѣчество, одинъ законъ—справедливость“.

Настольными книгами Николая Михайловича были „Картины природы“ Гумбольдта, „Азія“ Риттера и другія. На пріобрѣтеніе научныхъ сочиненій по своей спеціальности онъ затрачивалъ почти всѣ свободныя деньги. Вставалъ онъ рано, ложился также не поздно, за исключеніемъ субботъ—вечеровъ, когда собирались у него товарищи, офицеры генеральнаго штаба, офицеры юнкерскаго училища, студенты естественнаго факультета, профессора. Возникавшіе вопросы и обмѣнъ мыслей по естественной исторіи оживляли Николая Михайловича; онъ всегда старался захватить инициативу разговора и стать во главѣ бесѣдующихъ. Обнаруживая громадную начитанность, онъ въ то же время умѣлъ обобщать и подчеркивать характерныя особенности. Онъ увлекался, и своею рѣчью увлекалъ другихъ. „Ваше письмо, писалъ ему одинъ изъ товарищей много лѣтъ спустя, какъ нѣкогда ваше присутствіе имѣетъ что-то такое, что будитъ душу, требуетъ оглядки. Вы были мнѣ близки, какъ человѣкъ, возлѣ котораго всегда глубже чувствовалось, шире думалось“.

Природа съ ея красотою манила къ себѣ Пржевальскаго по-

стоянно, и мысль о путешествіи воскресала въ немъ съ прежней силой. Счастье улыбнулось ему: въ 1867 году онъ ѣдетъ въ Иркутскъ и получаетъ двухлѣтнюю служебную командировку въ Уссурійскій край; сверхъ того Сибирскій отдѣлъ географическаго общества поручаетъ ему описать флору и фауну и собрать зоологическую и ботаническую коллекцію.

Въ спутники себѣ Пржевальскій взялъ въ Иркутскѣ юношу Ягунова, ученика-топографа.

Итакъ, завѣтное желаніе Николая Михайловича исполнилось. Новая обстановка произвела на него сильное впечатлѣніе, и Сибирь его поразила: — „дикость, ширь, свобода безконечно мнѣ понравились“, говоритъ Николай Михайловичъ.

Особенный интересъ и наблюденіе Пржевальскаго, теперь уже путешественника, привлекли къ себѣ картины по Амuru, тамъ, гдѣ хвойные лѣса исчезаютъ, а являются лиственные самыхъ роскошныхъ размѣровъ; гдѣ къ европейскимъ породамъ: дубу, липѣ и клену, примѣшивается грецкій орѣхъ и пробковое дерево.

„Когда я, писалъ Николай Михайловичъ, въ первый разъ видѣлъ все это, то мнѣ живо представилась картина тропическаго лѣса: эти высокоствольныя деревья съ густыми вершинами напоминали собой пальмы, а вьющійся виноградникъ—ліаны тропическаго пояса. Какъ-то странно видѣть это смѣшеніе формъ сѣвера и юга, которыя сталкиваются здѣсь какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ. Въ особенности поражаетъ видъ ели, обвитой виноградникомъ, или пробковое дерево и грецкій орѣхъ, растущіе рядомъ съ кедромъ и пихтой. Охотничья собака отыскиваетъ вамъ медвѣдя или соболя и тутъ же рядомъ можно встрѣтить тигра, не уступающаго въ величинѣ и силѣ обитателю джунглей Бенгаліи. И торжественное величіе здѣшней природы не нарушается присутствіемъ человека, развѣ изрѣдка пробредетъ звѣроловъ или раскинетъ свою юрту кочующій дикарь, но тѣмъ скорѣе дополнить, нежели нарушить, картину дикой дѣвственной природы...“

Чуть свѣтъ путешественники обыкновенно вставали, наскоро напившись чаю, отправлялись въ дальнѣйшій путь, а съ наступленіемъ вечера останавливались, просушивали собранныя растенія, препарировали птицъ и заносили въ дневникъ обо всемъ видѣнномъ въ теченіе дня.

Помимо экскурсій за птицами, Николай Михайловичъ охотился и за звѣрами и успѣшнѣе всего, изъ крупныхъ, за медвѣдями, причемъ, однажды столкнулся съ такимъ гигантомъ, который своими размѣрами превосходилъ всѣхъ видѣнныхъ и добытыхъ кѣмъ-либо въ Восточной Сибири. „Будучи пробить первую пулю, пишетъ

Пржевальскій, на разстояніи сорока шаговъ, въ грудь на вылетъ, и ободренный вѣроятно еще тѣмъ, что я былъ одинъ, этотъ медвѣдь съ ревомъ бросился на меня. По счастью въ штуцерѣ оставался заряженнымъ другой стволъ и, быстро вскинувъ къ плечу свое ружье, я рѣшился подпустить чудовище какъ можно ближе, такъ какъ здѣсь уже сталъ вопросъ: быть или не быть. Конечно, это было дѣло нѣсколькихъ мгновеній, но эти мгновенья не изгладятся изъ моей памяти цѣлую жизнь, и черезъ много лѣтъ все такъ же ясно, какъ въ ту минуту, я буду помнить эту оскаленную пасть, кроваваго цвѣта языкъ и громадные зубы... Когда медвѣдь приблизился на разстояніе четырехъ шаговъ, я спустил курокъ, и разъяренный звѣрь, съ прострѣленнымъ черепомъ, словно снопомъ, рухнулъ на землю...

Послѣ сибирскихъ тундръ и озеръ, Николай Михайловичъ особенно восхищался величіемъ Японскаго моря. „Присядешь, бывало, говоритъ онъ, на вершинѣ утеса, заглядишься на синѣющую даль моря и сколько различныхъ мыслей заронится въ головѣ! Воображенію рисуются далекія страны, съ иными людьми и съ иною природою, тѣ страны, гдѣ царствуетъ вѣчная весна, и гдѣ волны того же самаго океана омываютъ берега, окаймленные пальмовыми лѣсами. Казалось, такъ бы и полетѣлъ туда стрѣлою, посмотрѣть на всѣ эти чудеса, на этотъ храмъ природы, полный жизни и гармоніи...

„Погрузится затѣмъ мысль въ туманную глубину прошедшихъ вѣковъ, и океанъ является передъ нею еще въ большемъ величіи. Вѣдь онъ существовалъ и тогда, когда ни одна растительная или животная форма не появлялась на нашей планетѣ, когда и самой суши еще было немного! На его глазахъ и, вѣроятно, въ его же нѣдрахъ, возникло первое органическое существо! Онъ питалъ его своею влагою, убаюкивалъ своими волнами! Онъ давнишній старожилъ земли; онъ лучше всякаго геолога знаетъ ея исторію, и развѣ только немногія горныя породы старѣе маститаго океана!...”

Въ январѣ 1870 года Н. М. Пржевальскій прибылъ въ Петербургъ, а въ мартѣ сдѣлалъ сообщеніе въ географическомъ обществѣ, охарактеризовавъ строеніе Уссурійскаго края и его климатъ, флору, фауну и, наконецъ, его инородческое населеніе.

Окончивъ затѣмъ описаніе „путешествія въ Уссурійскій край“, Николай Михайловичъ обратился въ совѣтъ географическаго общества съ просьбою исходатайствовать ему разрѣшеніе отправиться въ сѣверныя окраины Китая и преимущественно въ мало извѣстныя страны верхняго теченія Желтой рѣки въ земли ордосовъ и Куку-норъ.

Предложеніе Пржевальскаго было принято съ большимъ сочув-

ствіемъ, и вице-предсѣдатель географическаго общества графъ Литке съ своимъ преемникомъ П. П. Семеновымъ помогли осуществленію экспедиціи.

„Въ началѣ ноября 1870 года, пишетъ Пржевальскій, прокативъ на почтовыхъ черезъ Сибирь, я и мой молодой спутникъ Михаилъ Александровичъ Пыльцовъ, прибыли въ Кяхту, откуда должно было начаться наше путешествіе по Монголіи и сопредѣльнымъ ей странамъ внутренней Азіи“. Въ январѣ же 1871 года путешественники совершаютъ переходъ на верблюдахъ поперекъ монотонной монгольской пустыни. „Вообще Гоби, говоритъ Николай Михайловичъ, своимъ однообразіемъ производитъ на путешественника тяжелое, подавляющее впечатлѣніе. По цѣлымъ недѣлямъ сряду передъ глазами являются одни и тѣ же образы—то неоглядныя равнины, отливающие желтоватымъ цвѣтомъ высохшей травы, то черноватые избогренные скалы, то пологіе холмы, на вершинѣ которыхъ иногда рисуется силуэтъ быстроногаго дзерена. Мѣрно шагаютъ тяжело навьюченные верблюды, идутъ десятки, сотни верстъ, но степь не измѣняетъ своего характера, а остается, по-прежнему, угрюмой и непривѣтливой“...

Познакомившись съ Пекиномъ, съ членами русскаго посольства, заручившись китайскимъ паспортомъ, Н. М. Пржевальскій стремится въ самые дикіе, неизслѣдованные уголки. „Возьмите карту, писалъ онъ одному изъ друзей, и тамъ, гдѣ на ней едва черкнуто штрихами возлѣ города Нинъ-ся, тамъ высится громаднѣйшій Алашанскій хребетъ“. Въ этихъ горахъ Николай Михайловичъ проводитъ съ экспедиціей нѣсколько недѣль и какъ истый натуралистъ цѣлыми днями охотится съ ружьемъ за плечами. „Взобравшись на высокую вершину, говоритъ Пржевальскій, съ которой открывается далекій горизонтъ на всѣ стороны, чувствуешь себя свободнѣе и по цѣлому часу любуешься панорамой, которая разстилается подъ ногами. Громадныя, отвѣсныя скалы, запирающія мрачныя ущелья или увѣнчивающія собою вершины горъ, также имѣютъ много прелести въ своей оригинальной дикости. Я часто останавливался въ такихъ мѣстахъ, садился на камень и прислушивался къ окружающей меня тишинѣ. Она не нарушалась здѣсь ни говоромъ людскихъ рѣчей, ни суматохою обыденной жизни. Лишь изрѣдка,—воркованье каменнаго голубя и пискливый крикъ клушицы... проползетъ по отвѣсной стѣнѣ краснокрылый стѣнолазъ, или, наконецъ, высоко изъ-подъ облаковъ, съ шумомъ спустится къ своему гнѣзду грифъ, а затѣмъ, по-прежнему, кругомъ все станетъ тихо и спокойно... А тамъ внизу, на востокъ, узкою лентою блещетъ рѣка, и словно алмазы сверкаютъ многочисленныя озера; къ западу — широкою полосой